

Глава 3.2.

Кон Пёнхва и Шин Сэбёк родились обычными сыновьями в семьях чеболей, проявились как обычный альфа и омега, обыкновенно возненавидели друг друга, а затем обыкновенно же друг в друга влюбились.

Со стороны это, может, и выглядело иначе, но для Кон Пёнхва и Шин Сэбёка, кто бы что ни говорил, это была самая обычная любовь.

— Нет, а зачем вы тогда скрывались? То есть, ну, я понимаю, двое парней встречаются, и мужчина-омега — это тоже понятно, но мне кажется, не обязательно же было притворяться врагами.

— Была причина. Очень даже была.

— Именно. Ещё какая.

Говорят, супруги со временем становятся похожи. Двое, которые все школьные годы только и делали, что цапались, будучи полными противоположностями, теперь двигались как единое целое, будто тех времён никогда и не было.

Так вышло, что они продолжали обмениваться феромонным душем на стратегическом уровне на протяжении всех зимних каникул.

Во время зимних каникул не было никаких дополнительных занятий, поэтому встречаться было непросто. Но говорить ему просто терпеть на одних таблетках, без феромонного душа, все каникулы казалось совершенным свинством, поэтому они обязательно встречались хотя бы раз в день, чего бы это ни стоило.

Встречаться открыто они опасались, потому что водители или секретари могли донести родителям, так что они встречались тайно, словно в шпионском фильме, — сходились на конспиративной явке в городской библиотеке и обменивались феромонами.

Но просто обменяться феромонами и разойтись после того, как они с таким трудом встретились, было как-то совсем сухо, поэтому они хотя бы разок вместе ели или смотрели по фильму, и, поскольку к тому времени между ними уже была определённая взаимная симпатия, вспыхнуть было лишь естественным ходом вещей.

Итак, если уж нужно было как-то назвать эти отношения...

— Эй. Мы с тобой... в-встречаемся, что ли?

— А... кажется, похоже на то?

— Тогда, раз я поднял этот вопрос, давай считать сегодня первым днём.

— Ладно.

Они друг другу подходили.

Впоследствии Кон Пёнхва каждый раз, выпив, корил себя, говоря, что установил годовщину уж слишком по-свински. Ближе к концу зимних каникул, в восемнадцать лет, в один из февральских дней они официально стали парой.

— Вообще-то я давно хотел тебе сказать... Хотя нет.

— Что такое? Ты меня заинтриговал.

— Нет. Мы только-только начали встречаться, и мне кажется, это прозвучит настолько непривлекательно, что ты захочешь расстаться. Всё, проехали...

Что же такое он хотел сказать? Временами Сэбёк откровенно недоумевал, что творится в голове у Кон Пёнхва.

— Есть два способа довести человека до белого каления, и один из них...

— Пообещай, что не бросишь меня.

— Да о чём ты вообще.. Ладно. Не брошу.

— Даже если я покажусь тебе непривлекательным, не подавай виду.

— Хорошо.

Они даже сцепили мизинцы и поклялись небу, а потом пообещали ещё раз.

Скорее уж было странно, что он до сих пор не показался ему непривлекательным, но, как ни странно, вместо того чтобы разочароваться, Сэбёк находил его просто немного милым, и ему было любопытно.

— Я, вообще-то... А, нет, всё-таки не скажу.

Милота отменяется. Стало немного раздражать, и всё равно было любопытно.

— Давай пересмотрим наши отношения.

— Я ещё до того, как мы начали встречаться, каждую ночь... делал это, думая о тебе.

Признание было шокирующим, но не поводом для разрыва. Даже наоборот — это было довольно мило...

— Раз уж мы теперь встречаемся, я буду делать это без угрызений совести.

Пожалуй, всё-таки немного отталкивает.

—...Ладно.

К счастью, это не было недостатком. Разве это не естественная вещь для мужчины?

— А ты.. ну... когда-нибудь делал это, думая обо мне?

—..Ага.

— Отлично.

Что значит «отлично»? Сэбёк невольно покраснел, потому что ему в голову пришли воспоминания о делах, которыми он тайком занимался в одиночестве.

— Я правда к тебе серьёзно отношусь, понимаешь?

— Эм, ну?

— Понимаешь в чём дело... я всегда был настроен только на открытые отношения. Если любишь, зачем скрываться!

Это уж слишком. У Сэбёка духу не хватало поспевать за романтическим напором Кон Пёнхва.

— Но! Я ведь правда тебя люблю! Теперь, если я не буду делать это, думая о тебе... я.. я просто не могу, понимаешь?!

— Можно чуть потише?

Сэбёк был смущён и жутко сконфужен, но, как ни странно, уголки его губ и скулы сами приподнимались.

— Я даже план нашей свадьбы составил! Прямо сейчас начну готовиться и признаюсь тебе на наш тысячный день!

— Настолько серьёзно...

Свадьба.

От одной мысли об этом захватывало дух. Это должно было давить, но странным образом совсем не давило. Просто было... переполняющее чувство.

Уголки губ так и норовили поползти вверх. Сэбёк изо всех сил поджимал губы, так что на подбородке проступали желваки.

— А, чёрт. Забудь это. Это же сюрприз.

— Ч-что ты сказал? Я плохо... плохо расслышал.

Сэбёк с невозмутимым видом соврал, крепко кусая губы, чтобы не улыбнуться. Они даже ещё не целовались, а тут уже свадьба. Кон Пёнхва был забавным парнем.

— Короче, я правда серьёзен... Давай до тех пор, пока я не унаследую свои акции, будем встречаться тайно.

Акции.

Он заговорил не об общественном статусе или чужих взглядах, а о том, какое наследство получит. Кон Пёнхва, похоже, сам стыдился этих слов, потому что его лицо залилось краской, а на глазах даже выступили слёзы.

Сэбёк никогда и помыслить не мог об открытых отношениях, поэтому он даже представить не мог, что чувствовал Кон Пёнхва. Неужели это могло довести до слёз?

— Чёрт возьми... Почему человек не может жить одной лишь любовью!— Кон Пёнхва в отчаянии бил кулаком по земле и сокрушался.

До какой же степени доходила чувствительность Кон Пёнхва?

Сэбёк похлопал Кон Пёнхва по плечу и протянул ему носовой платок. Кон Пёнхва, шмыгая носом, принялся излагать нарисованный им план на будущее.

— Нам же обоим по двадцать, и мы оба поедem учиться за границу. Давай вместе поступим в университет, будем там жить, будем университетской парой и открыто встречаться.

— Хорошо.

— Чёрт... Мы даже не знаменитости, а вынуждены встречаться тайно..

— Это и правда печально.

Сэбёк, честно говоря, не находил в этом ни капли печали, но сказал, что это печально, выжав из себя всё сочувствие до последней капли.

— Давай заведём аккаунт в Лавстар, будем каждый день гулять вместе, и давай придумаем друг другу новые ласковые прозвища. Мне надоели «Любимая Курочка» и «Ким Минджи из первого класса».

Кон Пёнхва был записан в телефоне Сэбёка как Ким Минджи. А Кон Пёнхва благодаря родителям, которым не было дела до личной жизни сына, уже полгода как переименовал Шин Сэбёка с «Острой Курочки» на «♥Любимую Курочку♥». Но в телефоне Шин Сэбёка Кон Пёнхва всё ещё значился как Ким Минджи.

— Ну... я же на людях не ем.. и наши разговоры и всё такое... мне кажется, женское имя подходит лучше, чем мужское...

— Тогда поставь хотя бы сердечко. Хотя нет, не надо. Не ставь. — Кон Пёнхва в отчаянии вцепился себе в волосы. — Ведь это я с тобой встречаюсь, а кажется, будто между нами стоит какая-то вымышленная Ким Минджи. Хнык! Ведь это же я — Ким Минджи.

—..Я... я извиняюсь.

Когда твой парень настолько эмоциональный — это утомляет... нет, до слёз трогательно.

Кон Пёнхва, будучи гением подготовки в ночь перед экзаменом, судя по всему, всё остальное время вместо учёбы посвящал планированию их совместной жизни, и он без умолку болтал о своих любовных проектах.

— Было бы здорово иметь во дворе бассейн. И чтобы доставка пиццы доставала, и чтобы было чуть далековато от университета. А то мне кажется, к нам в дом молодыхёнов будут без конца заваливаться всякие бесцеремонные личности.

— Ну.. может, нам сначала поступить в университет?

Сэбёк отрезвляюще спустил его с небес на землю.

— ...

— Нет, в смысле, я.. я верю. Верю.

Сэбёк избежал кризиса с помощью успокаивающего прикосновения.

— Иногда кажется, что ты встречаешься со мной только ради моих феромонов.

Сэбёк думал, что полностью избежал кризиса, но нагрянул новый.

— Это не так...

— Что значит «не так».

— Я встречаюсь с тобой, потому что люблю тебя. Какие-то там феромоны? Я не такой слабый человек. Я запросто продержусь как мужчина, принимая по пять ингибиторов и восемь добавок в день.

— Нет, не вздумай.

Сэбёк не останавливался и продолжал изливать искренность:

— Твои феромоны... конечно, они мне нравятся! Я не могу сказать, что нет! Но в любом случае, я бы любил тебя, даже если бы ты был бетой, или омегой! Каждый раз, когда ты улыбаешься, у меня колотится сердце.

— ...!

Он даже добавил завершающий штрих, который должен был растрогать Кон Пёнхва до глубины души:

— М-может быть, мы были связаны судьбой в прошлой жизни!

— Я и не знал, что ты так ко мне относишься..!

Сэбёк, успешно вырвавшийся буквально на краю пропасти, внутренне вытер холодный пот. Им случалось иногда ссориться по пустякам, но они быстро мирились и легко, сладко и гладко встречались.

Это была в высшей степени тайная, но при этом совершенно обычная любовь, и они терпеливо и преданно любили друг друга. Десять лет обманывая всех и наслаждаясь сладкой любовью, Кон Пёнхва и Шин Сэбёк так и стали супругами. Настолько тайными, что даже родители с обеих сторон об этом не знали.

— А... вот оно что. Эм, а можно спросить, что именно во всём этом было необычного? — Спросил обожающий дорамы одноклассник с отстранённым лицом.

Кон Пёнхва и Шин Сэбёк, будто только и ждали этого, одновременно сняли верхнюю одежду. Под ней обнаружился парные футболки с надписью I♥U.

«Безумцы..»

«Они бы расстроились, если бы никто не спросил».

«А я-то думал, Шин Сэбёк будет смущаться, а он наслаждается».

Футболки с люминесцентным принтом, заметные даже с расстояния в два километра, в темноте сияли ещё более явно.

— Л-ладно, я понял, что вы прямо Ромео и Джульетта. Когда на кону деньги, это всё объясняет.

— Даже не знаю, восхищаться или...

— Это же брак, против которого выступают родители с обеих сторон.

— Но раз уж у них есть ребёнок, то что родители смогут сделать, даже если будут против.

Если появился ребёнок, то тут уж ничего не поделаешь. Одноклассники дружно закивали.

— Это одна из причин, почему вы обязательно должны прийти на празднование. Если будет много свидетелей, старшим придётся вести себя осмотрительнее, верно? Не знаю, как у простых людей, но в семьях чеболей из-за такого иногда и людей убивают.

— Это точно!

Он сказал это просто так, но обожающий драмы одноклассник отреагировал с жаром.

— Можете не дарить деньги, просто приходите, поешьте и посмотрите, как наша Исылъ будет хватать предметы на день рождения. Можете включить блоги или ютуб и делать обзор на фуршет, можете привести знакомых знаменитостей или журналистов.

— Где будет фуршет? Будет ли вкусно?! — Заинтересовался только Чон Сону.

— А что нужно подготовить для рекламы в метро или на автобусах? В общем, прошу любить и жаловать на дне рождения нашей Исылъ.

Кон Пёнхва раздавал приглашения всем одноклассникам, как продавец — визитки.

Из-за того, что он так небрежно раздавал приглашения, рюмка Кон Пёнхва не пустовала ни минуты. Даже для альфы выпить за час с небольшим больше восьми бутылок, мешая соджу и пиво, было сущим насилием, так что Кон Пёнхва пошатывался.

Говорят, у альф есть альфья гордость, и Кон Пёнхва, проверяя, есть ли в этом правда, притворялся совершенно трезвым до самого конца встречи, но как только сел в такси — вырубился. Его одеревеневший язык заплетался так сильно, что разобрать можно было далеко не всё. Но иногда он произносил вполне разборчивые вещи — и лучше бы этого не было.

— Моя жена раздвоилась. Сегодня ночью спать не дам. Вот повезло...

— Жить с тобой невозможно. Серьёзно.

Исылъ звонко шлёпала папу-Пёнхва по щекам. А Кон Пёнхва всё равно млея и расплывался в улыбке. Он хихикал, посасывая ручку Исылъ, и выглядел абсолютно... счастливым, даже без учёта опьянения.

У Сэбёка на самом деле было много тревог. В Америке они были бесконечно счастливы, но стоило им вернуться на родину, как с каждым вздохом накатывали новые тревоги и заботы.

«Правильно ли это...»

Его отправили учиться, а он не только свил там гнездо, но и вернулся с ребёнком.

Сэбёк прожил двадцать восемь лет, был взрослым человеком, родившим Исылъ, но перед родителями он всё равно чувствовал себя маленьким ребёнком. Правильно ли было начинать с празднования дня рождения и формирования общественного мнения, не сообщив сначала родителям?

Он понятия не имел, как родители посмотрят на Исылъ, которую он готов был баюкать, не спуская с глаз.

«А вдруг они прикажут нам расстаться?»

Развод с Кон Пёнхва, разлука с Исылъ, брак с совершенно незнакомой женщиной, жизнь по указке родителей... В тот момент, когда все эти тревоги и заботы нахлынули на него разом, тёплое тепло окутало Сэбёка.

— Может, завтра оставим Исылъ с кем-нибудь и поедem в парк аттракционов вдвоём? Сделаем фотки на месте нашего первого поцелуя десятилетней давности и устроим ностальгическое путешествие в прошлое.

Это был Кон Пёнхва.

— Скоро же наша годовщина, может, съездим? Только вдвоём, впервые за долгое время.

Как бы сильно он ни напился, если бы он не почувствовал тревогу своего партнёра, ему стоило бы отрезать себе член. Предельный романтик Кон Пёнхва мягко струил феромоны, убаюкивая Сэбёка.

— Давай съездим в парк аттракционов, а потом ещё поглядим на ночное море.

Раз уж они вернулись на целую неделю раньше запланированного, надо было выжать из этого максимум, заявил Кон Пёнхва и принялся щекотать руку Сэбёка. В ответ на ласкающиеся феромоны и щекочущие прикосновения пальцев Сэбёк вместо тревог залился смехом. Исылъ тоже заулыбалась в ответ.

Любимая дочурка, которую он готов был баюкать, не спуская с глаз, и муж — они вернулись в Корею. Он женился на своей первой любви и вернулся обратно. Вернулся на родину, где он разделил свой первый поцелуй, первую любовь, школьные годы, все свои первые волнения и трепет.

Сэбёк переплёл свои пальцы с пальцами Кон Пёнхва.

— Эй, давай спать просто держась за руки. Если будем держаться с переплетёнными пальцами, может появиться братик или сестрёнка для Исылъ.

— Что за бред.

— Бред-шмед.

Исыль похлопала папу-Пёнхва по тыльной стороне ладони. Кон Пёнхва прижался губами к мягкой ручонке и подул — пфррр. От заливистого смеха откуда-то поднялась смутная уверенность, что всё как-нибудь образуется.

Как только они добрались до отеля, Кон Пёнхва, с которого как по волшебству слетел весь хмель, резво вскочил, уложил Исыль и забрался под одно одеяло с Сэбёком.

Сегодня — может, сегодня получится?

— Это удивительно, правда?

— Что именно.

— Просто... то, что мы всё это время любили друг друга, а ребята на нас так смотрели. Наверное, они помнили то, о чём мы сами уже и забыли.

Сэбёк, устроивший голову на руке Кон Пёнхва, как на подушке, и зарывшийся в его объятия, вдыхал запах мужа и отвечал:

— Неудивительно. Ты, может, и не замечал, но стоило нам просто пересечься, как все начинали жутко коситься.

— Правда?

— Ну, как тогда, когда ты нарочно подставил мне подножку...

— Да нет, это правда было не нарочно, у меня просто ноги длинные! Я сам не заметил, как так вышло!

— Но ты меня не поднял.

Кон Пёнхва, мечтавший о жаркой супружеской ночи, покрылся испариной на спине.

— Мне тогда было очень обидно.

— Я же стоял на коленях на крыше.

— Что-то я этого не помню...

Сэбёк, страдающий выборочной амнезией, повернулся к нему спиной. Голова Кон Пёнхва, которая с самого такси — нет, с момента разговора с Чон Сону на встрече одноклассников была полна мыслей о жаркой ночи, резко остыла.

— П-почему ты так со мной, милый...

Он неловко посмеивался, тыкал его в бок, пытался сюсюкать, но реакция была холодной. Как бы жалко ни пытался Кон Пёнхва ластиться, Сэбёк был непоколебим.

— Я устал.

— Дорогой, папа Исылъ, любимый, мой Сэбёк.

— Я хочу спать.

Он не дулся, ему правда было очень нужно поспать, и Сэбёк просто закрыл глаза. Кон Пёнхва же пришлось провести мучительную ночь на родине, где он пережил все первые волнения и трепет.

«Хорошо хоть Исылъ спит спокойно...»

В этот самый момент раздался залиvistый младенческий плач.

— Хаа...

Кон Пёнхва, собственными руками установивший этот флаг, поплёлся наружу и взял Исылъ на руки. До самого рассвета — нет, до прихода няни Кон Пёнхва пришлось укачивать Исылъ. Так наступил следующий день, и в отель прибыла надёжная "няня".

— Ой-ой... Это что же такое творится.

Дворецкий Хван, который уволился на покой, желая провести остаток дней на природе, от всей души шлёпнул Кон Пёнхва по спине.

— Ай! Аа! Больно же.

— Госпожа и председатель ничего не знают, так что получай! Вот тебе! Отправили учиться за границу, а вернулся с ребёнком!

— Ай-яй...

Железный дворецкий Хван, которого не смогли смягчить жалкие ласки Кон Пёнхва, мгновенно расцвёл лицом, услышав лепет Исылъ, и взял её на руки.

— Как же она похожа на Пёнхва в детстве. И совсем не дичится. Какая прелесть. Утю-тю. Да?

Кон Пёнхва чувствовал адскую боль, будто на его спине отпечаталась форма ладони, но, не в силах дотянуться, мучительно извивался. Не выдержав этого зрелища, Сэбёк погладил мужа по спине, и Кон Пёнхва посмотрел на него самым нежным в мире взглядом.

— Охо-хо, мне бы уже отдыхать на пенсии, а тут просят присмотреть за ребёнком, которому едва исполнился год. Это же натуральное издевательство над стариком.

— Эй! Вечно вы так говорите. Вы же узнали меня с первого взгляда, хотя мы столько не виделись. Вы совсем не стареете.

Когда Кон Пёнхва с ухмылкой приобнял его, дворецкий Хван засмеялся, будто не в силах устоять, и подтолкнул Кон Пёнхва и Шин Сэбёка в спину.

— Я присмотрю за ней как следует, так что идите развлекайтесь. То, что я за ней приглядел, останется в тайне.

— Люблю вас.

Кон Пёнхва по-свойски обнял Сэбёка за плечи и послал воздушный поцелуй.

— Пойдём. На свидание.

Каждый раз, когда Пёнхва улыбался, его кожа, соприкасавшаяся с кожей Сэбёка, тоже трепетала. Эта приятная дрожь и низкий, гудящий голос невероятно нравились ему.

Сэбёк смотрел на Кон Пёнхва, всё ещё улыбавшегося, как мальчишка, на чёткие, ясные линии его губ и слегка изогнутые тёмные брови, и его сердце снова забило чаще.

— Ага, пойдём. На свидание.

Сэбёк всё ещё был в процессе первой любви.

— Сначала поедим?

— Ага. Что ты хочешь поесть?

— Хм. Может, корейский обед? Хотя нет. Не надо. Давай просто поедем и там решим. Поехали.

Кон Пёнхва мурлыкал себе под нос, крутя руль. Когда Кон Пёнхва напевал, это всегда предвещало либо что-то неожиданное, либо что-то утомительное, так что было неясно, стоило ли радоваться.

Сэбёк из любопытства, куда же они так едут, легонько тыкал Кон Пёнхва в бок, выпрашивая хотя бы подсказку, но тот лишь загадочно улыбался и делал вид, что ничего не происходит.

Не получив никакой информации, пара Пёнхва и Сэбёк добралась до парка аттракционов, купила свободные билеты и сразу вошла. Еда в парке аттракционов по определению не обещала ничего особенного, так что было совершенно непонятно, ради чего всё это.

Сэбёк втайне ждал какого-то грандиозного события, от которого можно покрыться холодным потом. Сам того не осознавая, Сэбёк на удивление любил острые ощущения.

Кон Пёнхва же потащил Сэбёка напрямик в фастфуд. Гамбургеры, которые они бесконечно ели ещё в Америке, и теперь вдруг тут? Хотя, конечно, в Корее у них свой особый вкус.

Сэбёк, не придав этому значения, зашёл внутрь. Из-за специфического, режущего глаз интерьера и стульев, на которых было трудно долго усидеть, его тело быстро затекло.

— Чизбургер?

— Ага.

Кон Пёнхва поколдовал над киоском, и вскоре вернулся с охапкой еды. Он выложил перед Сэбёком чизбургер, колу и картошку, а себе поставил четыре гамбургера с неизвестными названиями, две порции картошки, сырные палочки, наггетсы и прочее. Чизбургер был на вкус как самый обычный чизбургер. Тот самый рядовой фастфудный вкус, где из-за грубоватого приготовления толком не чувствуешь сыра.

Сэбёк втайне надеялся, что внутри мясной котлеты может оказаться, скажем, заварной пудинг, но она была самой что ни на есть обыкновенной мясной котлетой.

Кон Пёнхва всё время, пока ел свой гамбургер, блаженно улыбался, словно было что-то невероятно приятное. Он продолжал улыбаться, как человек, который сыт, даже не поев.

— Ты чего всё время улыбаешься?

Может, он что-то сделал с кетчупом? Сэбёк старательно макнул картошку в кетчуп. Обычный кетчуп.

— Просто. Мне просто хорошо.

— Ну и простодушный же ты.

Кон Пёнхва, переплёл пальцы с Сэбёком и снова заулыбался.

— Помнишь, когда мы ездили на пикник всем классом, мы не могли поесть вместе. Слишком много было вокруг глаз.

А ведь и правда — на втором году старшей школы их пикник проходил в парке аттракционов.

Сэбёк почти этого не помнил. В памяти осталось только, что они приехали в парк аттракционов на пикник и что он ходил не с Кон Пёнхва, а со своей компанией. Если хорошенько подумать, кажется, он и тогда ел гамбургер. Кон Пёнхва тоже ел гамбургер. Хотя и не вместе, как тогда на крыше.

— А сейчас я счастлив, потому что мы можем поесть вместе.

Кон Пёнхва щекотал тыльную сторону руки Сэбёка и играл с ним ногами под столом. Он легонько постукивал носком ботинка по ботинку Сэбёка, вытягивал ногу и просто так задевал его голень, заигрывая.

— Я и тогда хотел делать так. Всё время, пока мы учились.

Кон Пёнхва с невозмутимым видом одной рукой умял гамбургер быстрее, чем моргнул глаз, и высосал всю колу, но, хотя его лицо всё ещё улыбалось, в глазах читалась какая-то горечь. Слова о том, что он ещё десять лет назад хотел вот так сидеть напротив, есть вместе, шутить и смеяться, отозвались у Сэбёка щемящей болью в груди.

Вместо ответа Сэбёк молча переплёл свои пальцы с пальцами Кон Пёнхва. Он крепко сжал руку, которая была на сустав больше его собственной. Кон Пёнхва засиял широченной улыбкой, как человек, заполучивший весь мир, и сказал:

— Ну вот, мы наконец-то открытая пара.

— И правда. Мы открыто встречаемся. Спустя десять лет.

Обручальные кольца на их сплетённых руках сияли красиво и ярко.

Кон Пёнхва и Сэбёк в приподнятом настроении расхаживали по парку аттракционов. Они делили чуррос и смузи, надели ободки со звериными ушками, на которые в обычной жизни даже не взглянули бы, и наслаждались парком на все двести процентов.

Кон Пёнхва, словно девятимесячный щенок, которому сказали «гулять», в диком восторге таскал Сэбёка за собой повсюду.

— Ах!

— Хе-хе.

Катались на бамперных машинках.

— Тут камера! Камера! Поцелуй! Поцелуй!

— Отстань.

Катались и на «Урагане».

— Фотография получилась странной.

— Чем это она страанная. Мне нрааввится. Давай купим и повесим дома.

Фотография и правда получилась странной.

Они зашли в игровой зал и ловили кротов, били по груше, играли в стрельбу. Они без остановки смеялись, с запозданием делая всё то, что хотели, но не могли сделать в школьные годы — ровно десять лет назад. Они ели крошечное, с ладонь, шариковое мороженое, жирные хот-доги, ненадолго садились посмотреть представление, а потом снова шли на аттракционы — и так раз за разом, пока не начало смеркаться. На всех аттракционах зажглись огни, и перед ними раскинулся тот самый фирменный ночной пейзаж парка аттракционов.

Остановив Сэбёка перед каруселью — можно сказать, знаменитым местом для парных фотографий, — Кон Пёнхва принялся фотографировать как одержимый.

Казалось бы, давно пора привыкнуть, но всякий раз, когда Кон Пёнхва вот так неистово жал на спуск, Сэбёку было ужасно неловко. Когда же эта папарацци-сессия закончилась, Кон Пёнхва подошёл к какой-то женщине, заговорил с ней и протянул телефон. В тот самый миг, как женщина взяла телефон, Кон Пёнхва подбежал к Сэбёку и сразу взял его за руку.

Случайная прохожая принялась фотографировать с полной самоотдачей, широко расставляя ноги, хотя фотография была даже не её.

Они обнимались за плечи, держались за руки, прижимались друг к другу, и, не остановившись на том, чтобы просто смотреть друг на друга, упрямо дошли до настоящего поцелуя. Удивившись даже этому, одурманенная фотографией женщина слегка дрогнула, и снимок получился чуть смазанным. Но из-за яркого освещения карусели эта лёгкая размытость, наоборот, выглядела естественно.

— Может, переснимем последний кадр?

Словно исполняя какую-то миссию, женщина проявила инициативу. Будто гордясь своим мастерством, она то увеличивала, то уменьшала экран телефона, анализируя снимок, а потом что-то сказала своим спутникам и достала огромную профессиональную камеру.

— Переснимем только последний?

— Да не сто..

Сэбёк хотел было отказаться и уже полез в карман за бумажником, чтобы щедро отблагодарить её за такие красивые снимки, но Кон Пёнхва, которому просто хотелось ещё поцеловаться, нахально заявил:

— А ведь и правда надо. Ну, чего же ты, милый. Иди скорее.

Спутники женщины тоже принялись без спроса давать советы.

— Эй, попробуй поменять объектив.

— Запястье сильнее выверни. Ногу ещё шире поставь. Да просто прилипни к земле.

Что они все так носятся с этой фотографией... ну, то есть с фотографией-то понятно, но почему они с такой страстью снимают совершенно незнакомых людей?.. Вот теперь он реально почувствовал, что вернулся в Корею.

Сделав-таки повторный поцелуйный снимок, Кон Пёнхва рассыпался в благодарностях лучшему в мире фотографу из числа случайных прохожих и вручил приглашение на день рождения.

Платить добром за зло?

Сэбёк был в тихом ужасе, но они уже разговорились, и атмосфера была тёплой и дружелюбной.

— Это же просто платить добром за зло...

— А, я взял у неё контакты в соцсетях и заказал профессиональную съёмку для нашей малышки. По двойной ставке от рыночной.

— Ого...

Но как такое совпадение вообще возможно? Он просто остановил случайного прохожего, и им оказался фотограф?

На вопрос заинтригованного Сэбёка Кон Пёнхва разразился длиннющей тирадой, прямо как Конан:

— Я сразу заметил. С ней не было парней, рядом было несколько подруг, но по её броской одежде и причёске с высокой вероятностью можно было сказать, что она из творческой или спортивной сферы. Я ещё раньше видел, что здесь есть какие-то знаменитости и идут съёмки передачи, так что, всё взвесив, я прикинул, что она может быть фанатским фотографом или частью съёмочной группы, и решил рискнуть.

— ...

А мой муж-то, оказывается, крут.

Кон Пёнхва был так доволен фотографиями, что всю дорогу напевал. Он ещё и высоко вскидывал и опускал их сплетённые руки, явно находясь в прекрасном расположении духа.

— Не нахлынули ли на вас новые, глубокие чувства?

Даже его голос, когда он поднёс кулак-микрофон, был полон озорства.

— Каковы ваши впечатления от поцелуя на том самом месте, где случился ваш первый поцелуй? Поделитесь, пожалуйста, небольшим комментарием.

— Ах, ну, я не знаю, могу ли я говорить это прямо сейчас... Во-первых, я хотел бы посвятить эту честь моему мужу и дочери...

Сэбёк теперь уже вполне умел подыгрывать.

— По удивительному совпадению... муж — это ведь я? Может быть, вы хотите подарить мужу не

только честь? Например, пообещать, что эта ночь будет особенной, или что эта ночь будет жаркой, или...

— Разве это не одно и то же?

— Ну, вообще-то, разница есть. Хотя бы в позициях...

Кон Пёнхва тоже с возрастом изменился, и вместо свежих, по-юношески пылких фраз отпуская шуточки, как заправский дядька.

— Я сделаю вид, что ничего не слышал.

— Да почему!

— Ну разве можно такое говорить?

Сэбёк тоже постарел вместе с Кон Пёнхва. И поэтому он больше не проглатывал слова молча.

— И вообще, место нашего первого поцелуя — колесо обозрения. — Он теперь говорил всё, что хотел сказать. — Если хочешь спросить о впечатлениях, давай сначала воссоздадим всё в точности, а потом спрашивай. Бери интервью заново.

И теперь он умел соблазнять весьма искусно.

Утром в день школьного пикника во втором классе старшей школы Кон Пёнхва, на удивление, проспал и сел на метро в противоположную сторону.

— Кон Пёнхва. Тебе конец.

Благодаря Кон Пёнхва, который клятвенно обещал положиться на него, Чон Сону с ветерком прокатился не в ту сторону, а теперь пинал Кон Пёнхва под зад, пока они пересаживались на экспресс. Но даже так они всё равно опоздали, и Кон Пёнхва упустил возможность спокойно встретиться с Сэбёком, так что им пришлось сразу заходить в парк аттракционов.

— Я опоздал из-за тебя, так что катайся на карусели.

Чон Сону, любивший всякие милые детские аттракционы, стеснялся кататься один и вцепился в Кон Пёнхва, как водяной. Вообще-то Кон Пёнхва и сам любил карусель. Это же весело! Но, но!

«Мне же надо обменяться феромонами с моим парнем!»

К тому же Сэбёк прошлой ночью прислал плачущий смайлик и пожаловался, что тело как будто ватное, так что Кон Пёнхва от беспокойства не спал всю ночь, поэтому и проспал, а теперь ему до смерти хотелось увидеть Сэбёка. Но они вращались в разных компаниях.

«Хнык-хнык. Мы прямо Ромео и Джульетта...»

«Или Пастух и Ткачиха».

Им оставалось лишь случайно пересекаться на ходу. Когда Чон Сону садился на поезд, который неторопливо объезжал весь парк, Шин Сэбёк шёл кататься на викинг; когда Кон Пёнхва заходил в Мир Панд, одно название которого звучало до жути мило, компания Сэбёка шла на головокружительные американские горки. Эти полярно противоположные вкусы заставляли Кон Пёнхва до крови кусать губы. А Чон Сону, не обращая на это внимания, радостно щебетал:

— Панды просто офигенно милые.

— Офигенно хочется врезать тебе. Чон Сону...

— А? Я не расслышал.

— Да нет, говорю, ты милый...

Эх... Из-за совершенного греха Кон Пёнхва пришлось таскаться хвостом за Чон Сону, и только в обеденный перерыв в фастфуде ему удалось хотя бы краешком глаза зацепить Шин Сэбёка.

— Эй, Чон Сону. Давай есть вместе с теми ребятами. У них всё выглядит вкуснее.

— Ты чего несёшь, опять затеешь драку. Заткнись и пошли в угол.

Чон Сону, обожавший мир гораздо сильнее, чем «Мирный» Кон Пёнхва, безжалостно усадил друга спиной к компании Сэбёка и с аппетитом принялся уплетать гамбургер. Кон Пёнхва ел гамбургер, обливаясь внутренними кровавыми слезами.

«Мы любим друг друга и живём под одним небом, так почему же мы не можем даже поесть вместе...»

Какой-то гад может очистить свою репутацию одной тарелкой соллонтана, а я, а я-то!

«Я и семью буду ценить, и деньги хорошо зарабатывать, и каждый день кричать о любви, и целовать без счёта — так почему! Почему мне нельзя!»

Даже если он в душе бился о землю и рыдал, Кон Пёнхва и Шин Сэбёк не могли быть вместе.

«Да что это за аттракционы, которые нас так безжалостно разлучают...»

Пока Кон Пёнхва такими мыслями изводил себя, Сэбёк лихо нарезал круги на «Урагане» и перекатался абсолютно на всех вращающихся аттракционах, какие только были. А Кон Пёнхва мирно парил на воздушном шаре, мирно ловил кротов и мирно каруселился — целых три раза.

«Этому придурку что, не надоедает?»

Чон Сону со своим зверским инфантилизмом каруселился и каруселился. Он проехал уже три круга, но вставал в очередь с таким энтузиазмом, будто впервые.

Понимая, что такими темпами он Сэбёка сегодня вообще не увидит, Кон Пёнхва отчаянно заскрипел мозгами. И тут его осенила отличная мысль!

— Сону-я.

— Чё.

— Пошли в дом с привидениями.

— Отвали.

Кон Пёнхва не сдался. Потому что именно такого ответа он и ожидал. Кон Пёнхва силой потащил Чон Сону за собой.

«Тут не головой надо думать, а действовать».

Притащив упёртого карусельщика к дому с привидениями с мощью бульдозера, Кон Пёнхва, когда подошла их очередь, вдруг заявил, что до ужаса боится призраков, затолкал внутрь одного Чон Сону и сбежал.

В спину ему неслись отборные ругательства Чон Сону и проклятья на всю оставшуюся жизнь, но Кон Пёнхва лишь беззаботно порхал по парку. Он тут же позвонил Сэбёку, позвал его встретиться, и вскоре они тайно вышли на связь.

<http://bllate.org/book/17004/1618501>